

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Романы о сильных людях

Юрий Коротков

**ДЕВЯТАЯ
РОТА**

Москва
«ЭКСМО»
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 68

Оформление серии *П. Волкова*

Художник *И. Варавин*

Коротков Ю.
К 68   **Девятая рота / Юрий Коротков.** — М. : Эксмо, 2013. —
352 с. — (Преодоление. Романы о сильных людях).

ISBN 978-5-699-66467-2

Афганистан, 1989 год. Стратегически важная дорога Гарdez — Хост после упорных боев переходит под контроль советских войск. На высоте 3234 закрепилась девятая рота 345-го отдельного парашютно-десантного полка. В начале января позиции роты начали атаковать бандитские группировки, превосходящие в численности наших ребят десятикратно (!). Отважные парни держали оборону всю ночь, демонстрируя образец мужества и отваги. Спина к спине, плечо к плечу, один за всех и все — за одного. Они испытали всё: и страх, и отчаянье, и боль, и горечь утраты, но никто из солдат не покинул боевые позиции, не струсил, не предал. Вот так родился подвиг — как всегда неожиданно, среди нас, среди простых парней, казалось бы, на ровном месте. И с опозданием приходит недоумение, и немой вопрос комком стоит в горле: откуда в них столько силы, столько мужества, столько верности...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66467-2

© Коротков Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ДЕВЯТАЯ РОТА

В синих морозных сумерках у ворот сборного пункта толпились призывники и провожающие. Офицер выкрикивал фамилии по списку, и призывники один за другим бежали к воротам, последний раз оглядываясь на своих и натываясь друг на друга. В толпе стояли, держась за руки, девчонка с милым, детским еще лицом и невысокий лопоухий мальчишка. Их толкали со всех сторон, а они не видели никого вокруг, не отрывали глаз друг от друга.

— Ну не плачь, пожалуйста, — сказал парень, сам едва сдерживая слезы. — Ну не надо, я тебя очень прошу.

Девчонка отрицательно замотала головой: не буду.

— Только два года, — сказал он. — Всего два года, понимаешь?

Она торопливо кивнула, боясь произнести хоть слово, чтобы не разрыдаться.

— Рябокось! — выкрикнул офицер. — Рябокось!.. Рябокось есть?

— Да вон несут. — В толпе захохотали. К воротам приближалась процессия: пятеро парней та-

щили на плечах пьяного в хлам Рябокonia. Тот размахивал длинными руками и орал как заведенный:

— Братва! Братва! Спите спокойно! Я на страже! Они не пройдут! Братва! Но пасаран!

Его сгрузили к воротам. Офицер выкрикнул было следующую фамилию, но долговязый шут Рябокonia снова возник в воротах, приветствуя толпу сжатыми над головой руками.

— Братва! Граница на замке и ключ в кармане!

В воротах возникла пробка. Офицер уперся ему ладонью в лоб и втокнул в ворота.

— Давай, родишь сейчас!

Девчонка мельком испуганно оглянулась на эту сцену.

— Воробьев! — выкрикнул офицер.

— Я! — откликнулся мальчишка.

Девчонка вздрогнула и судорожно вцепилась в него обеими руками, будто пытаюсь удержать.

— Я вернусь! Только два года! Я вернусь! — Он побежал к воротам.

— Чугайнов!

— Я! — Толстый рыжий парень потрусил следом. Мальчишка хотел последний раз обернуться от ворот, но рыжий грубо толкнул его в спину.

В вестибюле призывники столпились около вахты.

— Сумки сюда! — командовал дежурный офицер. — Водку, пиво, самогон — на стол! Найду — хуже будет! Загоню за Магадан моржей драть! —

Он копался в сумках и рюкзаках, встряхивал и смотрел на просвет бутылки с газировкой. Другой быстро обыскивал карманы.

— Твоя? — спросил мальчишку рыжий, кивнув назад.

Тот молча кивнул.

— Успел хоть на шишку посадить напоследок? Воробьев враждебно вскинул на него глаза.

— Чо, не дала? Ничего, ты за нее не переживай! Не бзди, все путем будет — есть еще нормальные пацаны, оприходуют твою телку, — ослабился тот. — Еще паровоз не тронется, натянут за всю маму, по самую шапочку — вот так! Вот так! — от души с размаху показал он. — За себя и за того парня!

Мальчишка не знал, куда деваться. Беспомощно сжимая дрожащие губы, он пытался протиснуться в толпу подальше от Чугайнова, но тот не отставал, с мстительным удовольствием зудел над ухом:

— Теперь два года вас на пару будут драть — тебя там товарищ сержант раком поставит, а ее тут во все щели отбалуют — вот так! Вот так!..

— Это что? — изумленный офицер вытащил из сумки высокого парня горсть тюбиков.

— Краски, товарищ капитан, — спокойно ответил тот.

Офицер отвернул крышку, понюхал, выдавил краску на палец. Достал из сумки связку разнокалиберных кистей.

— Ты что там рисовать собрался, воин, — колесо от танка? Ты бы с мольбертом еще приперся! Художник!

— Джоконда! — крикнул кто-то, и вся толпа с готовностью захохотала. Художник невозмутимо собирал краски и кисти обратно в сумку, не обращая ни малейшего внимания на смех и приколы.

Воробьев шел, почти бежал по коридору. Рыжий не отставал ни на шаг.

— А ты что думал, Воробей, ждать будет? «Письмецо солдатское в простеньком конвертике»... — заржал Чугайнов. — Ты там пишу ей катаешь, сопли по бумаге возишь, а ее тут в два ствола — в хвост и в гриву!

— Слушай! — чуть не плача, обернулся мальчишка. — Что ты ко мне привязался? Что я тебе сделал?

— О, голосок прорезался! — обрадовался Чугайнов. — А что, может, в морду дашь? Ну давай, — подставил он физиономию. — Махни лапкой, пернатый! Ну?.. Чтоб место свое знал по жизни, понял! — с неожиданной ненавистью сказал Чугайнов. — Вот тут у тебя написано, — звучно хлопнул он мальчишку ладонью в лоб, повернулся и пошел прочь.

В большой комнате стояли парикмахерские кресла в два ряда. Солдаты-парикмахеры в пижонских наутюженных хэбэшках и вполне штатских приче-

сках наспех кое-как орудовали машинками. Весь пол был завален волосами, двое призывников стогняли их щетками и трамбовали в огромный мешок.

В крайнем кресле сидел мрачноватый парень в новом костюме. Он невольно дернулся, когда парикмахер резким движением вырвал клочок волос.

— Спокойно, сынок! — насмешливо процедил тот. — Я из тебя сделаю солдата! Какая первая заповедь устава, знаешь? Боец должен стойко переносить все тяготы и невзгоды армейской службы!

Парень перевел на него тяжелый взгляд холодных глаз исподлобья.

— Ты чего при всем параде-то? — кивнул парикмахер на его костюм. — На службу как на праздник? Все равно ж на выброс.

— Другого нет, — коротко ответил парень.

— Слушай, давай махнемся, — предложил парикмахер. — Я тебе свое отдам и еще сигаретами добыю. Тебе уже все равно, а мне в город ходить — дискотека, телки, сам понимаешь.

— А ты хорошо устроился, — одобрительно сказал парень.

— Не то слово! — Солдат переглянулся со своими, и они засмеялись. — Служба — сладкий сон, просыпаться не хочется. День машинкой помашешь, командиры по домам, к жене под бок, а ты в город — пиво пить, девок снимать. — Он скинул с парня простыню. — Ну так что, договоримся?

— Договоримся. — Парень внимательно оглядел в зеркале свою свежую лысину. — Сладкий сон, говоришь? — улыбнулся он.

И вдруг схватил солдата железными пальцами за шею, пригнул вниз, выхватил машинку и запустил ее в густую шевелюру парикмахера.

— Стоять, фраера! — бешено заорал он дернувшимся было к нему солдатам. — Спокойно, сынок! Что там в уставе про тяготы и лишения, помнишь? — Он простриг широкую полосу от лба к затылку. — На! — швырнул он машинку на кресло. — Дальше сам дострижешь! — И спокойно вышел из комнаты.

Уже обритый Воробьев потерянно бродил по призывному пункту. На длинных скамьях плечом к плечу сидели одинаковые, как кегли, сотни призывников, понуро ожидая своей участи.

— Извините, вы не знаете, где шестая команда? — спросил наконец Воробьев у кого-то из призывников.

— Новенький, что ли?

— Да.

— Так ты сразу-то не беги, как фамилию услышал. Сперва узнай, куда команда. Как поближе к дому будет — тогда сдавайся.

— Да нет, я... Простите, пожалуйста, вы не скажете... — обратился Воробьев к офицеру, но тот молча пролетел мимо, даже не взглянув на него.

Воробьев побрел дальше. В унылом ровном шуме он услышал вдруг громовой хохот. В дальнем углу зала поднимались, как из вулкана, клубы табачного дыма, брэнчала гитара. Он неуверенно, неволь-

но замедляя шаги, подошел ближе. Здесь, как на острове посреди общей тесноты, вольготно раскинулись на составленных в круг скамьях несколько человек, среди них Чугайнов, Рябоконь, художник и парень в костюме, обривший парикмахера, — дымили и не таясь пили водку.

— Шестая команда?

— Тебя-то куда понесло, пернатый? — захохотал Чугайнов. — Терминатор, блин! Вали отсюда по-шустрому!

— Кончай, Чугун! — резко сказал парень в костюме. — Как зовут-то?

— Воробьев. Володя.

— Лютаев Олег, — протянул руку парень. — Лютый, короче. Это Руслан, — указал он на художника.

— Джоконда! — тотчас хором поправили все. Видимо, кличка уже приклеилась.

— Ряба, Стас, Серый, Чугун. Пока все.

Воробьев торопливо кивал и пожимал руки. Последним нехотя подал руку Чугайнов.

— Подвинься, земляк! — Лютаев плечом столкнул призывника с соседней скамьи на пол и сбросил следом его барахло. — Садись, Воробей!

Джоконда передал ему бутылку водки. Воробьев неумело, вытягивая шею, выпил из горлышка.

— Чо дальше-то, Ряба? — поторопил круглолицый, по-девичьи розовощекий крепыш Стас.

— Ну, короче, просыпаюсь утром, — продолжил Рябоконь. — Башку поднять не могу, глаза пальцами разлепил, так снизу от подушки и смо-

трю. Что за дом, коврики какие-то с оленями — как попал, хер его знает, ничего не помню. И девка какая-то сидит голая, лыбится. А надо мной папаша ее стоит, как над гробом. «Ну, ты, говорит, пацан, влип. Дочке-то восемнадцать нет. Так что выбирай — или в загс, или в ментовку». И эта зараза одеяло на сиськи натянула, глазки опустила, будто ни при чем. А страшная — как... как бульдог. Фотку на дверь повесь — замка не надо! Я, видно, не первый уже попал. Кто ж за нее без приговора пойдет. Ну, я говорю: «Знаешь, папаша, я лучше под танк лягу, чем на нее». Ну, в брюки на ходу запрыгнул, и мы с папаней наперегонки, кто быстрее — он в ментовку или я сюда!

Все, кроме Чугайнова, засмеялись.

— А я женился вчера, — мрачно сказал он. — Все сразу — и свадьба, и проводы.

— Ты чо, кроме шуток? А чего молчишь-то? Поздравляю!

— Угу... — Чугун хлебнул из горлышка, потянул воздух сквозь сжатые зубы и вдруг тихо, зло засмеялся. — Ну, говорит, теперь твоя. Давай, говорит. Теперь жена, говорит, теперь положено. Думает, я совсем дурной! Я ворота отворю — гуляй два года! — Он смеялся, мотал головой. — Всю ночь редела — как же, говорит, жена — и нетронутая. А я говорю — вернусь, говорю, проверю. А если, сука, говорю, целку порвешь — убью! Убью, зараза, задушу! — Он сдавил бутылку так, что побелели пальцы. — Так и оставил. — Он допил бутылку, с силой швырнул в угол и отвернулся.

По залу шел, оглядываясь, остриженный наполовину парикмахер. За ним поспешал дежурный офицер.

— Вот этот! — указал парикмахер на Лютаева.

— Ты в кого ручонкой тычешь, сынуля! — Вся команда тотчас сорвалась с места и угрожающе двинулась на него. — Ты кто такой, в натуре?

— Все нормально, ребята! — Офицер, улыбаясь, миролюбиво поднял ладони. — Извините, ошибочка вышла. Отдыхайте! — Он подтолкнул парикмахера в сторону и в сердцах врезал ему по недостриженному затылку. — Я тебя крест-накрест с ушами вместе обстригу! — прошипел он. — Это же афганская команда, придурок!

А афганцы засвистели, заржали вслед, скаля зубы, хлопая друг друга по плечам, — страшные, бритые, злые. И Воробей сперва неуверенно, а потом во весь голос счастливо захохотал со всеми вместе, оглядывая новых друзей — равный среди равных.

* * *

Белое полуденное солнце нещадно жгло лица, от раскаленной бетонки струился горячий воздух. Распахнув теплые куртки и ватники, обмахиваясь шапками, потные пацаны томились около самолета, с любопытством оглядывались. Взлетная полоса тянулась по узкой котловине, зажатой со всех сторон горами. Другие группы призывников во главе со своими сержантами уже шагали к военному городку.